

ГЛАВА I

Ураган 1865 года. — Крики в воздухе. — Смерч уносит воздушный шар. — Оболочка лопается. — Кругом вода. — Пять пассажиров. — Что происходит в корзине. — Земля на горизонте. — Развязка.

- Мы поднимаемся?
- Нет! Напротив! Мы опускаемся!
- Хуже того, мистер Сайрес: мы падаем!
- Выбросить балласт!
- Последний мешок только что опорожнен!
- Поднимается ли шар?
- Нет!
- Я как будто слышу плеск волн!
- Корзина — над водой!
- До моря не больше пятисот футов¹!
- В воздухе раздался властный голос:
- Все тяжелое за борт! Все!..

Эти слова слышались над безбрежной пустыней Тихого океана 23 марта 1865 года, около четырех часов дня.

---

¹ Фут — около 30 сантиметров (здесь и далее примечания переводчика).

Все, разумеется, помнят жестокую бурю, разразившуюся в этом году во время равноденствия. Барометр упал до 710 миллиметров. Страшный норд-ост дул, не утихая, с 18 по 26 марта. Он произвел невиданные опустошения в Америке, Европе и Азии, на территории в тысячу восемьсот миль — между тридцать пятой параллелью северной широты до сороковой южной параллели.

Разрушенные города, вырванные с корнем леса, берега, опустошенные нахлынувшими горами воды, сотни кораблей, выброшенных на берег, целые области, разоренные смерчем, все сметавшим на своем пути, тысячи людей, раздавленных на суше или поглощенных водой, — вот последствия этого неистовствовавшего урагана. Он произвел больше опустошений, чем бури, уничтожившие Гавану и Гваделупу 25 октября 1810 года и 26 июля 1825 года.

В то самое время, когда на суше и на воде происходило столько ужасных бедствий, в воздухе разыгрывалась не менее страшная драма.

Аэростат, уносимый смерчем, вертелся в бешеном вихре, словно маленький шарик. Непрестанно крутясь в воздушном водовороте, он несся вперед со скоростью девяноста миль¹ в час.

Под нижней частью шара качалась корзина с пятью пассажирами, едва видимыми в густых, пропитанных водяной пылью облаках, нависших над самым океаном.

Откуда взялся этот шар — беспомощная игрушка страшной бури? В какой точке земли поднялся он на воздух? Он не мог, разумеется, пуститься в путь во

---

¹ Или 166 километров (46 метров в секунду).

время урагана. А ураган длился уже пятый день. Значит, шар примчался откуда-то издалека. Ведь в сутки он пролетал не менее двух тысяч миль.

Во всяком случае, его пассажиры не имели возможности определить пройденное ими расстояние. Им не на что было ориентироваться. Это покажется удивительным, но они даже не чувствовали уносившего их страшного ветра. Перемещаясь и кружась в воздухе, они не ощущали вращения и движения вперед. Их взгляды не могли пронизать густого тумана, обволакивавшего корзину. Все вокруг было окутано облаками, такими плотными, что трудно было сказать, ночь ли сейчас или день. Ни луч света, ни шум населенного города, ни рев океана не достигали ушей воздухоплателей, пока они держались на большой высоте. Лишь быстрый спуск открыл аэронавтам, какой опасности они подвергаются.

Воздушный шар, освободившись от тяжелых предметов — снаряжения, оружия и провизии, — вновь поднялся в верхние слои атмосферы, достигнув высоты в четыре с половиной тысячи футов. Пассажиры его, услышав под собою плеск волн, решили, что наверху безопасней, чем внизу, и, не колеблясь, сбросили за борт даже самые необходимые вещи, всячески стараясь сберечь каждую частичку газа летательного снаряда, поддерживающего их над бездной.

Прошла ночь, полная тревог; она могла бы сломить людей, более слабых духом. И когда снова настал день, ураган как будто начал стихать. С утра 24 марта появились признаки успокоения. На заре облака, уже более редкие, поднялись выше. Через несколько часов смерч совсем утих. Ветер из бурного сделался «очень свежим», и скорость перемещения воздушных потоков умень-

шила вдвое. Это все еще был «бриз на три рифа», как говорят моряки, но все-таки погода стала гораздо лучше.

К одиннадцати часам нижние слои атмосферы почти очистились от облаков. Воздух был пропитан прозрачной сыростью, которую чувствуешь и даже видишь после сильных бурь. Ураган, видимо, не распространился дальше на запад. Он как будто сам себя уничтожил. Может быть, после прохождения смерча он рассеялся в электрических разрядах, подобно тайфунам в Индийском океане. Но к этому времени стало заметно, что аэростат снова медленно и непрерывно опускается. Газ мало-помалу уходил, и оболочка шара удлинялась и растягивалась, приобретая яйцевидную форму.

Около полудня шар находился на высоте всего лишь двух тысяч футов над водой. Он имел объем пятьдесят тысяч кубических футов и благодаря такой вместимости мог долго держаться в воздухе, либо поднимаясь вверх, либо перемещаясь в горизонтальном направлении.

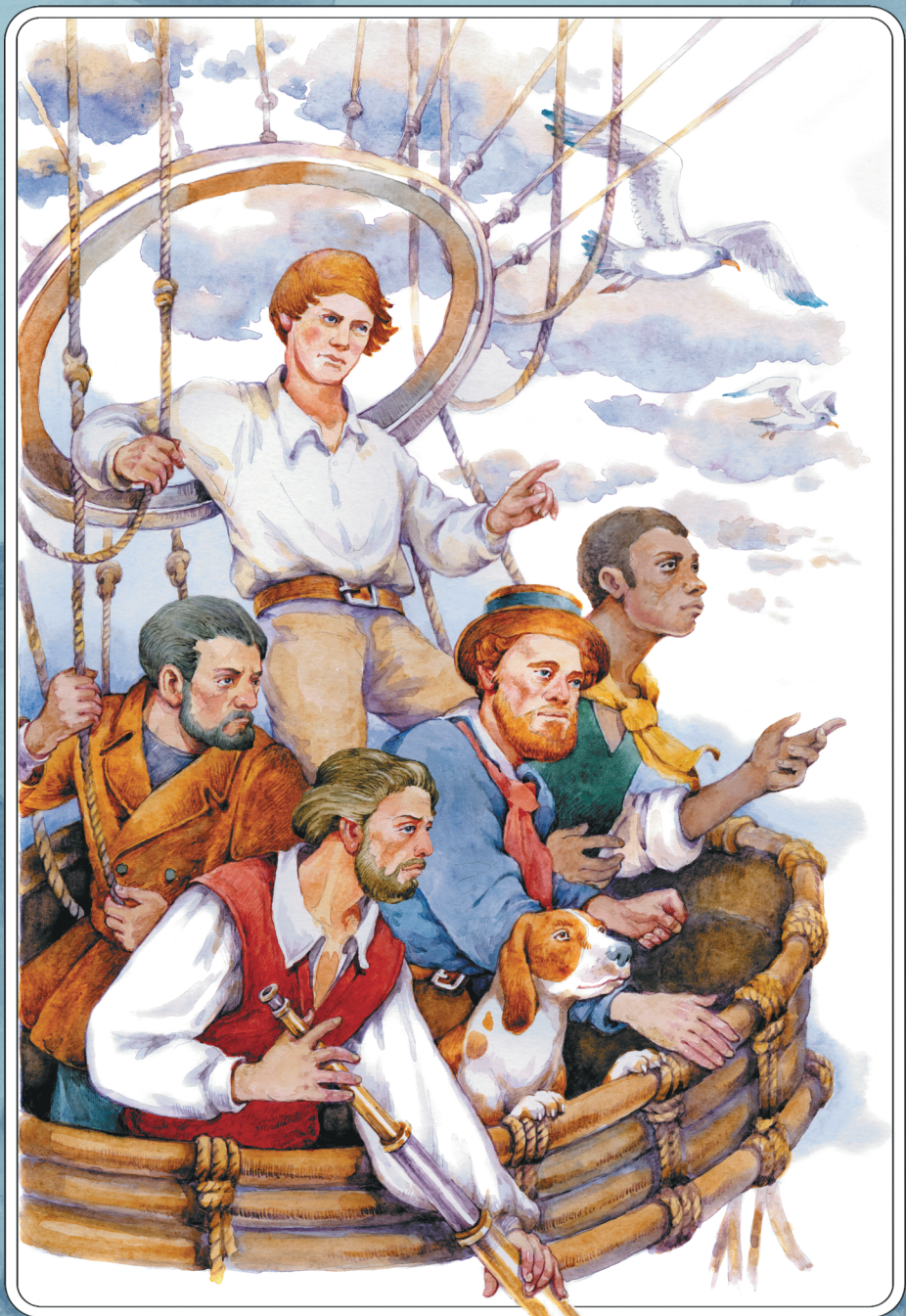
Чтобы облегчить корзину, пассажиры ее выбросили за борт последние запасы провизии и даже мелкие вещи, находившиеся у них в карманах.

Один из воздухоплавателей, взобравшись на обруч, к которому были прикреплены концы сетки, старался как можно крепче связать нижний выпускной клапан шара.

Становилось ясно, что шар больше нельзя удержать в верхних слоях воздуха. Газ уходил!

Итак, аэронавты должны были погибнуть...

Если бы они находились над материком или хотя бы над островом! Но вокруг не было видно ни клочка земли, ни одной мели, на которой можно было бы укрепить якорь.

Под ними расстился безбрежный океан, где все еще бушевали огромные волны. На сорок миль в окружности не было видно границ водной пустыни, даже с высоты, на которой они находились. Беспощадно подстегиваемые ураганом, волны в какой-то дикой скачке неслись друг за другом, покрытые белыми гребешками. Ни полоски земли в виду, ни корабля...

Итак, нужно было во что бы то ни стало приостановить снижение, чтобы аэростат не упал в воду. Этой цели, по-видимому, и стремились достигнуть пассажиры корзины. Но, несмотря на все их усилия, шар непрерывно опускался, продолжая в то же время стремительно нестись по направлению ветра, — то есть с северо-востока на юго-запад.

Положение несчастных воздухоплателей было катастрофическое. Аэростат, очевидно, не подчинился более их воле. Попытки замедлить его падение были обречены на неудачу. Оболочка шара все более и более опадала. Утечку газа нельзя было задержать никакими средствами. Шар опускался все быстрее и быстрее, и в час дня между корзиной и водной поверхностью оставалось не более шестисот футов. Водород свободно уходил в отверстие оболочки шара.

Освободив корзину от ее содержимого, воздухоплателям удалось несколько продлить свое пребывание в воздухе. Но это означало лишь отсрочку неминуемой катастрофы. Если до наступления ночи земля не появится, пассажиры, аэростат и корзина навеки исчезнут в волнах океана.

Оставался один способ спасения, и воздухоплатели воспользовались им. Это, видимо, были энергичные люди, умевшие смотреть смерти в лицо. Ни одной жалобы на судьбу не сорвалось с их губ. Они

решили бороться до последней секунды, сделать все возможное, чтобы задержать падение аэростата. Его корзина представляла собой нечто вроде ящика из ивовых прутьев и была неспособна держаться на волнах. В случае падения она неминуемо должна была утонуть.

В два часа дня аэростат находился на высоте каких-нибудь четырехсот футов.

И в эту минуту раздался мужественный голос человека.

Ему отвечали не менее решительные голоса.

— Все ли выброшено?

— Нет. Остались еще деньги — десять тысяч франков золотом.

Тяжелый мешок тотчас же полетел в воду.

— Поднимается ли шар?

— Да, немного, но он сейчас же снова опустится!

— Можно еще что-нибудь выбросить?

— Ничего.

— Можно. Корзину! Уцепимся за веревки! В воду корзину!

В самом деле, это было последнее средство облегчить шар.

Канаты, прикрепляющие корзину к шару, были перерезаны, и аэростат поднялся на две тысячи футов. Пассажиры забрались в сеть, окружающую оболочку, и, держась за веревки, смотрели в бездну.

Известно, как чувствительны воздушные шары ко всякому изменению нагрузки. Достаточно выбросить из корзины самый легкий предмет, чтобы шар тотчас же переместился по вертикали. Аэростат, плавающий в воздухе, ведет себя с математической точностью. Понятно поэтому, что, если облегчить его от значительной

тяжести, он быстро и внезапно поднимется. Это и произошло в данном случае.

Но, покачавшись некоторое время в верхних слоях воздуха, шар снова начал опускаться. Газ продолжал уходить в отверстие оболочки, которое невозможно было закрыть.

Воздухоплаватели сделали все, что было в их силах. Ничто уже не могло их спасти. Им оставалось рассчитывать только на чудо.

В четыре часа шар был на высоте всего лишь пятисот футов. Внезапно раздался звонкий лай.

Воздухоплавателям сопутствовала собака. Она вцепилась в петли сетки.

— Топ что-то увидел! — закричал один из аэронавтов.

И сейчас же другой громко крикнул:

— Земля! Земля!

Воздушный шар, который все время несся на юго-запад, покрыл с утра расстояние во много сотен миль, и на горизонте действительно появилась гористая полоса земли. Но до этой земли оставалось еще миль тридцать. Чтобы достигнуть ее, если шар не отнесет в сторону, нужно лететь, по крайней мере, час. Целый час!.. А вдруг шар в это время потеряет весь оставшийся в оболочке водород?

В этом был весь ужас положения: воздухоплаватели ясно видели берег, которого надо достигнуть, во что бы то ни стало. Они не знали, остров это или материк; им не было даже известно, в какую часть света занесло их бурей. Но до этой земли, обитаема она или нет, гостеприимна или сурова, необходимо еще добраться!

Однако скоро стало ясно, что аэростат не может больше держаться в воздухе. Он летел над самой водой.

Высокие волны уже не раз захлестывали сетку, увеличивая этим ее тяжесть. Шар накренился набок, точно птица с подстреленным крылом.

Полчаса спустя шар находился на расстоянии не больше мили от земли. Опустошенный, обвисший, растянутый, весь в крупных складках, он сохранил лишь немного газа в верхней части оболочки.

Пассажиры, цеплявшиеся за сетку, стали для него слишком тяжелы и вскоре, очутившись по пояс в воде, должны были бороться с бушующими волнами. Оболочка шара легла на воду и, раздувшись, как парус, поплыла вперед, подгоняемая ветром. Быть может, она достигнет берега!

До земли оставалось всего два кабельтовых¹, когда раздался страшный крик, вырвавшийся одновременно как бы из одной груди. В шар, которому, казалось, уже не суждено было подняться, ударила огромная волна, и он сделал неожиданный прыжок вверх. словно еще более облегченный от груза, аэростат поднялся на тысячу пятьсот футов и, попав в боковой воздушный поток, полетел не прямо к земле, а почти параллельно ей... Две минуты спустя он приблизился к этой полоске суши и упал на песчаный берег. Волны не могли уже его достать.

Пассажиры шара, помогая друг другу, с трудом высвободились из веревочной сети. Облегченный шар снова подхватило ветром, и он исчез вдали, словно раненая птица, к которой на мгновение вернулась жизнь.

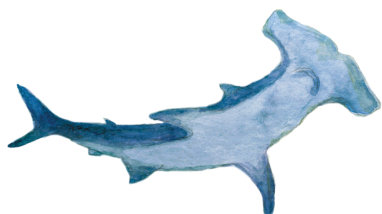
В корзине были пять пассажиров и собака. А на берегу оказалось только четыре человека. Их пятого

---

¹ Кабельтов — морская мера длины, равная почти 200 метрам.

спутника, видимо, унесла волна, обрушившаяся на сетку шара. Это и позволило облегченному аэростату в последний раз подняться на воздух и несколько мгновений спустя достигнуть земли. Едва четверо потерпевших крушение — а их вполне можно так назвать — почувствовали под ногами твердую землю, как тотчас же закричали, думая об отсутствующем товарище:

— Быть может, он попытается достигнуть берега вплавь! Спасем его! Спасем его!

ГЛАВА II

Эпизод из Гражданской войны в Америке. — Инженер Сайрес Смит. — Гедеон Спилет. — Негр Наб. — Моряк Пенкроф. — Юноша Герберт¹. — Неожиданное предложение. — Свидание в десять часов вечера. — Отъезд в бурю.

Люди, выброшенные на берег, не были ни воздухоплавателями по профессии, ни любителями воздушных прогулок. Это были отважные военнопленные, которым при исключительных обстоятельствах удалось бежать. Сто раз они могли погибнуть. Сто раз их поврежденный воздушный шар мог оказаться с ними в море. Но их ждала необыкновенная судьба. Поднявшись 20 марта из Ричмонда, осажденного войсками генерала Гранта², они находились теперь в семи тысячах миль от этого

---

¹ В оригинале переводчика «Харберт», мы заменили более современным произношением (*прим. ред.*).

² Генерал Грант (1822–1885) был главнокомандующим армией Севера. Он командовал полками волонтеров, состоявшими из рабочих и западных фермеров, решивших судьбу войны. После окончания Гражданской войны Грант был военным комиссаром республиканского правительства одного из пяти военных округов на Юге. В 1869–1877 годах Грант был выбран президентом.

города, столицы штата Виргиния, главной крепости южан¹ во время страшной междоусобной войны. Они пробыли в воздухе пять дней. Побег этих пленников, побег, которому суждено было закончиться уже известной нам катастрофой, произошел при следующих любопытных обстоятельствах.

В феврале 1865 года, во время одной из смелых, но неудачных попыток генерала Гранта захватить Ричмонд, несколько его офицеров попали в руки неприятеля и оказались пленниками в городе. Одним из наиболее выдающихся среди них был инженер по имени Сайрес Смит.

Сайрес Смит, уроженец Массачусетса, был и первоклассным ученым. Правительство Соединенных Штатов поручило ему во время войны управление железными дорогами.

Это был худой, костлявый и сухопарый человек, с коротко остриженными седеющими волосами и густыми усами. Ему было около сорока пяти лет. Его характерная голова со сверкающими глазами и редко улыбающимся ртом — голова ученого и практика — напоминала изображение на древней медали или монете.

Сайрес Смит был одним из тех инженеров, которые в начале своей карьеры сами работали киркой или молотом, подобно генералам, начавшим военную службу рядовыми. Наряду с изобретательным умом он обладал и ловкими руками; мускулы его отличались редкой неумимостью. Человек мысли и действия, он работал без

---

¹ Война Севера и Юга (отсюда — южане и северяне) — Гражданская война 1861–1865 годов в Северной Америке. Северяне боролись за освобождение негров, южане были сторонниками рабства. Война окончилась 26 мая 1865 года победой северян.

напряжения, полный жизненной силы и неослабной настойчивости, не отступающей ни перед чем.

Образованный, практичный, как говорится, «оборотистый», Сайрес Смит при любых обстоятельствах всегда владел собой.

Вдобавок ко всему, Сайрес Смит был храбр. В междоусобной войне он участвовал во всех битвах. Начав службу под начальством генерала Гранта, он сражался в числе волонтеров от штата Иллинойс при Падуге, Бельмонте, Питтсбург-Лэндинге, участвовал в осаде Коринфа, в битве при Порт-Гибсоне, при Блэк-Ривер, при Чаттануге, при Уилдернессе и в бою на реке Потомак. Он походил на своего генерала, который говорил: «Я никогда не считаю своих убитых».

Сотни раз мог бы Сайрес Смит оказаться в числе тех, кого не хотел пересчитывать грозный Грант. Но, хотя он не щадил себя, судьба неизменно ему покровительствовала — до того дня, когда он был ранен и взят в плен в битве под Ричмондом.

В один день и час с Сайресом Смитом попал в руки южан и другой северянин. Это был не кто иной, как почтенный Гедеон Спилет, корреспондент газеты «Нью-Йорк Геральд», которому было поручено сопровождать Северную армию и давать сообщения о ходе войны.

Гедеон Спилет принадлежал к той удивительной породе английских и американских журналистов, которые ни перед чем не отступают, когда хотят получить точные сведения и в кратчайший срок сообщить их своей редакции.

Этот человек отличался незаурядными достоинствами: решительный, энергичный, готовый ко всему, всегда находчивый, побывавший везде и всюду, солдат и худож-

ник одновременно. Он всегда мог дать хороший совет, не знал колебаний, не считался с опасностью, трудами и усталостью, когда предстояла возможность узнать что-нибудь новое — сначала для себя, а потом для своей газеты.

Неутомимый охотник за неизвестными, не опубликованными еще новостями, способный на невозможное, он был одним из тех неустрашимых наблюдателей, которые могут писать под градом пуль, набрасывая заметки среди рвущихся снарядов. Всякая опасность была ему желанной.

Как и Сайрес Смит, Гедеон Спилет не пропустил ни одной битвы и неизменно шел в первых рядах, с револьвером в одной руке и блокнотом — в другой. Карандаш ни разу не дрогнул в его пальцах. Он не загружал проводов телеграфа бесконечными депешами, как те, которые пишут и тогда, когда писать нечего, но каждое его сообщение, краткое, ясное, определенное, всегда освещало какой-нибудь важный вопрос. Не было чуждо ему и чувство юмора.

Именно он, после боя у Блэк-Ривер, чтобы не потерять место у окошечка телеграфа и первым сообщить в свою газету результат сражения, два часа подряд диктовал телеграфисту первые главы Библии. Это обошлось «Нью-Йорк Геральд» в две тысячи долларов.

Гедеону Спилету было не больше сорока лет. Это был высокий мужчина со светлыми, чуть-чуть рыжеватыми бакенбардами и спокойными, живыми, все замечающими глазами. Эти глаза принадлежали человеку, привыкшему сразу схватывать все детали окружающего.

Крепко сколоченный, он закалился благодаря пребыванию во всех климатах, как закаляется клинок от холодной воды. Уже десять лет Гедеон Спилет был официальным

корреспондентом «Нью-Йорк Геральд» и занимал его столбцы не только сообщениями, но и рисунками, ибо он владел карандашом не хуже, чем пером.

Перед тем как его взяли в плен, он был занят описанием и зарисовками боя. Последняя запись в его блокноте гласила: «Один из южан прицелился в меня и промахнулся». Как всегда, Гедеон Спилет вышел из этого «дела» без единой царапины.

Сайрес Смит и Гедеон Спилет, которые знали друг друга только по слухам, были доставлены в Ричмонд. Инженер быстро оправился от раны. Выздоровливая, он познакомился со Спилетом, и оба научились ценить друг друга.

Их связало желание убежать из плена, присоединиться к армии Гранта.

Смит и Спилет решили воспользоваться первым удобным случаем. Хотя им и было разрешено свободно ходить по городу, бегство казалось невозможным: Ричмонд охранялся слишком строго.

Спустя некоторое время к Сайресу Смиту пробрался один из его слуг, преданный ему всей душой. Этот смельчак был негр, родившийся в поместье родных инженера; его мать и отец были рабами, но Сайрес Смит, убежденный сторонник освобождения негров, уже давно дал ему вольную. Получив свободу, бывший раб не захотел расстаться со своим господином, готовый умереть за него. Это был парень лет тридцати, сильный, ловкий, проворный, спокойный, кроткий и сообразительный. Он отличался большой наивностью, услужливостью и добротой и постоянно улыбался. Звали его Навуходоносор, откликался же он на сокращенное Наб.

Когда Наб узнал, что его хозяин взят в плен, то, не колеблясь, покинул Массачусетс, добрался до Ричмонда

и благодаря своей ловкости и хитрости сумел, неоднократно рискуя жизнью, проникнуть в осажденный город. Радость Сайреса Смита и восторг Наба, когда они увидели друг друга, не поддаются описанию.

Но если Набу удалось пробраться в Ричмонд, то выйти оттуда было труднее: пленников стерегли очень тщательно. Чтобы предпринять попытку к побегу с некоторой надеждой на успех, нужно было какое-нибудь исключительное обстоятельство. Но такого случая все не представлялось, а создать его было нелегко.

Между тем Грант энергично продолжал действовать. Победа при Питерсбурге обошлась ему дороговато. Соединившись с войсками генерала Батлера, он тем не менее не мог добиться под Ричмондом никаких результатов. Ничто не предвещало близкого освобождения пленников. Журналист, для профессии которого бездеятельная жизнь в Ричмонде не представляла ничего интересного, был вне себя. Его не оставляла одна мысль: выбраться из города любой ценой. Он даже совершил несколько попыток к побегу, но отступил перед непреодолимыми препятствиями.

Осада тем временем продолжалась, и если пленникам не терпелось выйти из города, чтобы присоединиться к войскам Гранта, то некоторые из осажденных тоже стремились покинуть Ричмонд и вступить в ряды Южной армии. В числе последних был некий Джонатан Форстер, явный сторонник сепаратистов¹. Южане, как и их пленники, не могли выбраться из города, который был обложен войсками. Губернатор Ричмонда уже

---

¹ Сепаратисты — южане, сторонники отделения Южных штатов, в противоположность федералистам-северянам, сторонникам единства Соединенных Штатов.

долгое время не имел возможности сноситься с генералом Ли, а было чрезвычайно важно сообщить последнему о положении дел, чтобы ускорить посылку войск на выручку осажденных. И вот Джонатану Форстеру пришла в голову мысль подняться на воздушном шаре, пролететь над войсками сепаратистов и достигнуть их лагеря. Губернатор дал разрешение реализовать эту попытку. Для Джонатана Форстера был приготовлен воздушный шар. Вместе с пятью спутниками Форстер должен был подняться в воздух. На случай длительного полета или столкновения с неприятелем при посадке членов экспедиции снабдили оружием и продовольствием.

Отлет шара был назначен на 18 марта. Он должен был произойти ночью, и при северо-восточном ветре средней силы воздухоплаватели могли рассчитывать через несколько часов достигнуть главного штаба генерала Ли.

Но этот ветер был не простой бриз. Уже 18-го стало ясно, что он превращается в бурю. Вскоре ураган настолько усилился, что отлет Форстера пришлось отложить. Невозможно было доверить разъяренной стихии воздушный шар и рисковать людьми.

Наполненный газом шар был привязан на центральной площади Ричмонда и мог быть пущен, лишь только ветер утихнет. Но, к великой досаде жителей города, состояние атмосферы оставалось все тем же.

18 и 19 марта погода не изменилась. Державшийся на канатах шар прибывало ветром к земле, и его трудно было сохранить в целостности.

Прошла еще ночь. Утром 20-го числа ураган разбушевался еще сильнее. Лететь было невозможно.

В этот день к Сайресу Смиту подошел на улице человек, до тех пор не известный инженеру. Это был моряк

по имени Пенкроф, мужчина лет тридцати пяти—сорока, крепко сложенный, загорелый, с живыми, часто мигающими глазами и приятным лицом. Пенкроф был уроженец Северной Америки. Он объехал все моря на свете и пережил все необычайные приключения, какие только могут выпасть на долю существа о двух ногах. Следует добавить, что это был человек весьма предприимчивый, готовый на любой риск и ничему не удивлявшийся. В начале года Пенкроф приехал в Ричмонд по делам вместе с пятнадцатилетним мальчиком, сыном своего капитана, Гербертом Брауном из Нью-Джерси, которого он любил, как родного сына. Не успев выехать до начала осады, они оказались запертыми в городе, к великому огорчению Пенкрофа, который думал лишь об одном — как убежать. Он слышал о Сайресе Смите и знал, как тяготится этот человек пленом. Поэтому Пенкроф, не колеблясь, обратился к Смицу и спросил его без дальнейших околичностей:

— Мистер Смит, вам не надоел Ричмонд?

Инженер пристально посмотрел на человека, обратившегося к нему с таким вопросом. Пенкроф продолжал, понизив голос:

— Мистер Смит, хотите бежать отсюда?

— Когда? — быстро спросил инженер. Это слово вырвалось у него невольно: ведь он не успел даже взглянуть своего собеседника.

Но, всмотревшись пронизательным взглядом в честное лицо моряка, Сайрес Смит не усомнился, что имеет дело с порядочным человеком.

— Кто вы? — кратко спросил он.

Пенкроф сообщил о себе все необходимое.

— Хорошо, — сказал Сайрес Смит. — Каким же способом вы предлагаете мне бежать?